

ВАРЛААМИТСКАЯ ЕРЕСЬ.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій въ исторіи константинопольскаго патріархата XIV в. была такъ называемая *Варлаамитская ересь*, принесенная съ запада, или, по крайней мѣрѣ, произведенная западникомъ, и долго волновавшая созерцательные умы на востокѣ. Главными дѣателями въ этомъ религиозномъ движеніи были—виновникъ и защитникъ ереси *Варлаамъ* и противникъ его, поборникъ православія, *Григорій Палама*. Скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательной личности виновника ереси, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о томъ значеніи, какое онъ нѣкоторое время имѣлъ для Византіи и помимо этой ереси.

Варлаамъ былъ родомъ Калабриецъ, изъ города Семинаріи. Обладая хорошими средствами къ просвѣщенію, Калабрія дала въ то время Италіи не мало людей, прекрасно знающихъ греческій языкъ, что тогда считалось вѣрнымъ признакомъ серьезной образованности. «In utraque lingua institutus»—означало тогда человѣка въ высшей степени (образованнаго) просвѣщеннаго. Это и естественно, потому что тогда все лучшее въ наукѣ и литературѣ можно было найти только на этихъ языкахъ. Варлаамъ занималъ едва ли не самое почетное мѣсто—въ ряду просвѣщенныхъ людей своего времени. и плоды его учености распространялись далеко за предѣлы его родины и отечества. Онъ читалъ лекціи греческаго языка и словесности знаменитому своему современнику

Франциску Петраркѣ и приготовилъ учителя по этому же предмету для Іоанна Боккачіо ¹⁾, и такимъ образомъ содѣйствовала ознакомленію запада съ идеями греческаго генія, столь плодотворно оживившаго въ послѣдствіи самородную мысль философствующаго запада. Даже противники Варлаама воздавали ему должную дань уваженія за его рѣдкую въ то время ученость. Такъ царственный историкъ Византіи XIV в. Іоаннъ Кантакузень, писавшій свою исторію уже послѣ того, какъ Варлаамъ поднялъ смуты въ Восточной церкви, и слѣдовательно имѣвшій основаніе отнести къ нему неуважительно и несочувственно, — тѣмъ не менѣе отзывается о немъ такимъ образомъ: «это былъ человекъ воспитанный въ латинскихъ обычаяхъ и законахъ, остроумный, проникательный, краснорѣчивый, изучившій Эвклида, Аристотеля, Платона, и за это пользующійся громкою славой ²⁾».

При Андроникѣ Младшемъ Варлаамъ переселился въ Византійскую имперію и скорѣе обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ людей того времени и за свои обширныя познанія, — какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ наукахъ, — пользовался почетомъ и любовью самого императора, и особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ великаго Доместика ³⁾. По свидѣтельству Льва Алліція ⁴⁾, онъ былъ поставленъ игуменомъ монастыря св. Спасителя въ Византіи, а по свидѣтельству Никифора Григоры ⁵⁾, онъ получилъ отъ императора назначеніе объяснять ученіе св. Діонисія и быть наставникомъ богословія.

Такое уваженіе и такую честь, оказанныя Варлааму со стороны Византіи, можно объяснить не одною только ученостію Варлаама. Правда, въ то время не часто можно было встрѣтить

¹⁾ Curs. Compl. t. CLI, p. 1248.

²⁾ Cantacuz. Lib. 11, cap. XXXIX.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ De eccles. Occid. et Orient perpet. consensu. Lib. 11, cap. XVII.

⁵⁾ Кн. 9, гл. 1.

въ Византійской имперіи людей столь же хорошо образованныхъ, какъ онъ ¹⁾, и ревнителямъ отечественнаго просвѣщенія естественно было дорожить такою личностью въ интересахъ просвѣщенія. Но не мало значило въ этомъ случаѣ и то обстоятельство, что этотъ даровитый человѣкъ, воспитанный *въ латинскихъ обычаяхъ и законахъ*, какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ, изъявилъ готовность служить дѣлу православія. Антагонизмъ между церквами восточною и западною былъ въ то время довольно силенъ,—споры объ исхожденіи Св. Духа, оглавление папы, объ опрѣсновахъ и проч. были самые жаркіе и почти постоянные. Ревностнымъ по вѣрѣ высокимъ представителямъ и покровителямъ церкви восточной пріятно и интересно было имѣть у себя, такъ сказать, подъ руками такого человѣка, отъ котораго можно было ожидать успѣшнаго содѣйствія православнымъ грекамъ въ полемикѣ ихъ съ латинянами, такъ какъ онъ лучше другихъ могъ знать слабыя стороны ученія послѣднихъ и могъ ихъ побѣждать ихъ же оружіемъ.

Въ первые годы своего пребыванія въ Византіи Варлаамъ дѣйствительно оправдалъ такіа ожиданія. Онъ написалъ много сочиненій въ опроверженіе тѣхъ пунктовъ ученія западной церкви, которые главнымъ образомъ послужили къ разъединенію между обоими церквами, въ области вѣроученія. Такъ онъ написалъ противъ латинянъ 18 сочиненій—объ исхожденіи Св. Духа и вза-

¹⁾ Мы сказали, что Варлаамъ зналъ два языка. Въ Византіи же даже лучшіе люди не знали по латынѣ. Такъ Алексѣй Калохетъ просилъ Варлаама «ради Бога» перевести нужныя ему латинскія книги на греческій языкъ (Curs. Compl. t. CLI, p. 1282—1283). Вообще просвѣщеніе въ Византіи, особенно между духовенствомъ, упало тогда такъ низко, что перѣдко епископы отличались полнѣйшимъ невѣжествомъ, а иногда при состязаніи съ латинянами сами патріархи отдѣлывались глубокомысленнымъ и серьезнымъ молчаніемъ (Ник. Григора, кн. 10, гл. 8). Бывали даже такіе патріархи, которые не могли читать и по складамъ (тамъ же, кн. 8, гл. 12).

многѣмъ отношеніи лицъ Св. Троицы, и нѣсколько сочиненій противъ ученія латинянъ о главенствѣ папы. Возраженія его противъ латинянъ, относительно этого послѣдняго пункта ихъ ученія такъ серьезны и сильны, что составили бы честь и теперешней церковной апологетикѣ. Такъ напр. въ послѣдней главѣ одного своего сочиненія—«περὶ τῆς τῶ παπᾶ ἀρχῆς»,—написанномъ противъ какого-то Франциска, Варлаамъ такъ резюмируетъ свои возраженія и доводы противъ главенства папы. «Итакъ я показалъ, что *во первыхъ* каждый изъ св. апостоловъ былъ поставленъ пастыремъ и учителемъ всей вселенной непосредственно отъ самаго владыки Христа.

Во вторыхъ, что блаженный Климентъ не былъ рукоположенъ апостоломъ Петромъ въ епископа вселенной, а только въ епископа города Рима, какъ и всякій другой епископъ рукополагается только въ извѣстную епархію; и епископскій престолъ въ Римѣ не былъ въ началѣ ни первымъ, ни послѣднимъ, но сдѣлался первымъ въ послѣдствіи, по узаконенію святыхъ отцевъ нашихъ и благочестивѣйшихъ царей.

Въ третьихъ, они же (т. е. св. отцы и благочест. цари) опредѣлили возвеличить въ церковныхъ дѣлахъ и престолъ новаго Рима также, какъ и престолъ Рима древняго.

Въ четвертыхъ, что нѣтъ ни закона, который бы повелѣвалъ, ни обычая, которымъ бы требовалось, чтобы патріархи были рукополагаемы папою, чего на самомъ дѣлѣ никогда и не было.

Въ пятыхъ, что папа не выше соборовъ, такъ какъ сами соборы предписывали законы подвластной ему церкви.

Въ шестыхъ, что святыми отцами нашими было опредѣлено, чтобы одніѣ церкви подлѣжали власти папы, а другія распредѣлены были между прочими патріархами.

Въ седмыхъ, что не позволительно никому изъ патріарховъ, равно какъ и папѣ прибавлять новые догматы, безъ вѣдома и согласія всей церкви.

Въ восьмьихъ, что тому папѣ, который твердо соблюдалъ ученія св. отцовъ, должно воздавать честь, опредѣленную ему священными канонами; не соблюдающаго же этихъ ученій справедливость требуетъ избѣгать, какъ волка и пагубнаго врага церкви.

Въ девятыихъ, что христіане должны вѣровать въ *каволическую* вѣру и церковь, а не въ вѣру и церковь *частную*: потому что такъ установлено изъ начала.

Въ десятиихъ, что отвергающіе преданія св. апостоловъ и боговсныхъ отцовъ нашихъ, и вѣрующіе въ частную церковь и вѣру, суть отсѣченные и мертвые члены едиаго тѣла церкви Христовой, тогда какъ люди, выше всего поставляющіе преданія каволической церкви, составляютъ здоровую часть тѣла ея», — и пр. ¹⁾.

Но дѣятельность Варлаама въ пользу православія не ограничивалась одними сочиненіями въ защиту православной церкви противъ латинянъ. Онъ извѣстенъ еще какъ дѣятельный агентъ со стороны Византіи по дѣлу о соединеніи церквей. Въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, онъ хлопоталъ не въ однихъ только церковныхъ интересахъ, но и въ интересахъ государственныхъ.

Когда при Андроникѣ Младшемъ восточныя области Византійской имперіи остались безъ войска, то турки прошли все пространство до самаго моря, и завели свои поселенія по самымъ его берегамъ (около 1303 г.). Всю землю, сколько ея находилось подъ властію Византійской имперіи, они раздѣлили между собою по жребію ²⁾. Такимъ образомъ, турки, лишивши Византійскую имперію богатыхъ земель (это были: Влоинія, Мизія, Магнезія, Фригія и др.), вмѣстѣ съ тѣмъ грозили ей на будущее время еще большими опасностями. Тягостна была для импе-

¹⁾ Curs. Compl, t. CLI, 1276—1278.

²⁾ Никиф. Григора, кн. 7, гл. 1. Conf. Δοσιθης σελ. 856.

ріи эта потеря и страшна грозившая ей опасность. Зная это, императоръ греческій искалъ средствъ возвратить потерянное и предотвратить опасность. И вотъ, выждавъ удобное къ этому время, императоръ отправилъ Варлаама (въ 1339 г.) во главѣ посольства къ королямъ: французскому Филиппу IV, и сицилійскому Роберту и къ папѣ Бенедикту XII, съ секретнымъ порученіемъ—посредствомъ переговоровъ о соединеніи церквей, выхлопотать у нихъ военную помощь противъ невѣрныхъ. Исполняя это порученіе, Варлаамъ обнаружилъ блестящія дипломатическія способности и сильную діалектику. Переговоры его съ папою представляютъ не мало интереса, характеризую тогдашнее состояніе византійской церкви и государства, отношеніе императора къ церкви, взаимныя отношенія между церквами—восточною и западною и проч. Поэтому мы позволимъ себѣ изложить здѣсь содержаніе и представить ходъ этихъ переговоровъ.

Папа прежде всего спросилъ Варлаама, имѣетъ ли онъ письма отъ греческаго императора, или патріарха, или отъ другихъ знатныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, по дѣлу о соединеніи церквей, и высказалъ опасеніе, какъ бы это дѣло не кончилось и теперь со стороны Византіи такимъ же обманомъ и насмѣшкою, какія, будто бы, римская церковь уже потерпѣла на Ліонскомъ соборѣ отъ Михаила Палеолога и патріарха Іоанна. Хотя Варлаамъ на предложенный ему вопросъ отвѣчалъ и отрицательно, но папа все-таки не оставилъ безъ вниманія интересный для него вопросъ объ униі, и предложилъ Варлааму высказать свои соображенія относительно способовъ и путей, какими можетъ быть скорѣе достигнута великая цѣль соединенія церквей. Тогда Варлаамъ предложилъ вниманію папы слѣдующее:

«Святѣйшій отецъ! Предположенной цѣли можно достигнуть, мнѣ кажется, двумя способами: или насильственно, или путемъ свободнаго убѣжденія и ученыхъ разсужденій. Но первый изъ этихъ способовъ да будетъ оставленъ на твое благоусмотрѣніе.

По второму же способу, папболѣе желательному, уніа можетъ состояться или чрезъ соглашеніе съ вами однихъ только нашихъ ученыхъ, или же чрезъ соглашеніе съ вами *всего греческаго народа*. Въ первомъ случаѣ дѣло можетъ уладиться очень просто. Съ нашей стороны придутъ къ вашему святѣйшеству для разсужденій по дѣлу уніи человекъ тридцать или сорокъ, папболѣе мудрыхъ и легко и скоро согласятся съ вами. Почему? потому что ни вы, ни они не допустятъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ взяла перевѣсъ неразумная страсть, но дружно будете заботиться о томъ, чтобы оставить побѣду за истинною. Итакъ, поелику та и другая сторона будутъ искать только истины, то безъ сомнѣнія и найдутъ ее и вы скоро согласитесь. Но здѣсь можетъ быть вотъ какое неудобство. Когда наши представители, вступивши въ церковное единеніе съ вами, возвратятся домой, то имъ не легко будетъ убѣдить народъ въ томъ, что они согласились съ вами единственно на основаніи здравыхъ догматовъ св. отцовъ. Могутъ найтись такіе люди, которые, или по зависти, или по тщеславію, или просто по умственной слѣпотѣ, вооружать противъ нихъ народъ, сбѣясняя ему ихъ дѣятельность по дѣлу уніи дурными побужденіями—корыстолюбіемъ или тщеславіемъ. Народъ повѣритъ этимъ крикунамъ, и друзья единенія церковнаго не только не достигнутъ своей цѣли, но еще подвергнутся большой опасности. Итакъ этотъ способъ соглашенія церковей, годный для мудрыхъ, оказывается не удобнымъ для народа. Какимъ же путемъ можно привести къ единенію съ вами вмѣстѣ и людей мудрыхъ и простой народъ? А вотъ какимъ. Простой народъ, зная, что вселенскіе соборы собираемы были всегда для большаго благоустроенія церкви, или для искорененія заблужденій, привыкъ думать, что все, определенное соборомъ, справедливо и полезно. Поэтому, если бы и теперь собрался соборъ для разсужденія о спорныхъ пунктахъ между вами и греками, такъ чтобы мы могли показать *соборныя опредѣленія* объ уніи, тогда весь востокъ охотно при-

нялъ бы эти опредѣленія и никто бы не сталъ этому противорѣчить, и такимъ образомъ унія была бы очень легко и скоро принята. А если кто скажетъ, что по дѣлу уніи уже былъ въ Ліоаѣ соборъ, на которомъ присутствовали и греки, тотъ пусть знаетъ, что никто не могъ убѣдить греческій народъ принять этотъ соборъ безъ другаго собора. Почему? Потому что греки, которые участвовали на этомъ соборѣ, не были посланы ни отъ 4 хъ патріарховъ, управляющихъ восточною церковію, ни отъ народа, а только отъ императора, который хлопоталъ объ уніи пасильственной, а не добровольной. Итакъ если ваше святѣйшество согласно на мое предложеніе о соборѣ, то пусть это дѣло начнется такимъ образомъ. Пусть будутъ посланы отъ васъ въ восточную церковь послы, люди болящіеся Бога и благочестивые, исполненные духа кротости и терпѣнія. Съ ними вы отправьте письменное приглашеніе къ собору всѣхъ патріарховъ, епископовъ и знатныхъ мужей, съ обозначеніемъ цѣли, мѣста и времени собора. Это приглашеніе съ радостію выслушаетъ и охотно приметъ весь востокъ, императоръ, патріархи и народъ и немедленно позаботятся привести въ исполненіе ваше и свое заветное желаніе, и условятся съ вашими послами о мѣстѣ и времени будущаго собора, на которомъ уже, безъ сомнѣнія, будетъ скрѣплена унія. Послѣ того всѣ, кто будетъ присутствовать на этомъ соборѣ, выйдутъ къ народу и скажутъ: мужи, братья! святой и *вселенскій соборъ* опредѣлилъ то и то, и такъ вы *должны* принять это. И тогда всѣ безъ всякаго колебанія и сомнѣнія примутъ унію. Миѣ кажется, святѣйшій отецъ, что это единственный способъ, которымъ можно устроить соединеніе церквей».

За тѣмъ Варлаамъ переходитъ къ разсужденію о главной цѣли своего посланничества. Онъ спрашиваетъ у папы помощи противъ невѣрныхъ и сзою просьбу приправляетъ благовидѣвшимъ предлогомъ и обставляетъ тонкими и искусными доводами.

«Прошу» продолжаетъ Варлаамъ, «или лучше сказать умо-

ляю ваше святѣйшество еще вотъ о чемъ. Въ Турціи находятся четыре большія и богатыя области, принадлежавшія нѣкогда грекамъ, но, по грѣхамъ нашимъ, уже много лѣтъ назадъ, попавшія въ руки нечестивыхъ, и правители этихъ областей, христіане, насильно обращены въ вѣру турецкую. Теперь же, желая снова возвратиться въ христіанскую вѣру, правители эти дали знать императору нашему, чтобы онъ шелъ къ нимъ съ войскомъ, и обѣщали сами отдать ему сказанныя области. Императоръ же, не надѣясь на одинъ свой народъ, послалъ насъ къ христіанинѣ-шему королю Франковъ просить на это помощи. А оказать помощь въ этомъ случаѣ—дѣло очень хорошее: потому что какъ скоро означенныя области будутъ отняты у турокъ и возвращены намъ, то турки тотчасъ потеряютъ ту силу, какую они имѣютъ теперь на морѣ; тогда прекратятся тѣ бѣдствія, какія терпятъ теперь христіане на морѣ и тогда откроются широкія врата для благочестивыхъ путешествій во св. землю. Король Франковъ, выслушавъ нашу просьбу, послалъ насъ къ вамъ, чтобы узнать ваше мнѣніе и волю относительно этого предмета. Итакъ склонитесь на мольбы наши, пошлите въ тѣ страны вашу помощь, или прежде прибытія туда пословъ вашихъ, или вмѣстѣ съ ними. Это послѣднее я предлагаю вамъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Во первыхъ всѣ люди естественно бываютъ расположены подчиняться тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ благодѣянія: какъ ни были не благодарны ко Христу іудеи, однако и они, послѣ того какъ онъ нацѣпалъ ихъ въ пустынѣ пятью хлѣбами, хотѣли сдѣлать его своимъ царемъ. Такъ и греки, имѣя, такъ сказать, предъ глазами уже оказанную вами имъ помощь, съ большею готовностію примутъ и исполнятъ слова вашихъ пословъ, и народъ тогда отцесется къ намъ съ большимъ довѣріемъ, когда мы будемъ убѣждать его къ униі. И императоръ нашъ, воспользовавшись этимъ случаемъ (т. е. вашею помощію), скажетъ тогда патріарху и другимъ епископамъ: видите, какіе латиняне добрые люди: и сло-

вожъ и дѣломъ радѣють о нашей пользѣ; какъ же намъ послѣ этого не любить ихъ и не искать средствъ къ соединенію съ ними?—Во вторыхъ, императоръ не въ состояніи будетъ заняться приготовленіемъ къ собору, если предварительно не будетъ окончена война съ турками, потому что во время войны онъ не можетъ ни собрать патріарховъ и другихъ епископовъ, ни присутствовать на соборѣ. Итакъ нужно прежде какъ можно подальше прогнать враговъ изъ предѣловъ имперіи, а тогда уже успокоенный императоръ въ точности исполнить все, что отъ него зависить.

А что нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что пусть-де сначала греки соединятся съ нами, потомъ мы дадимъ имъ помощь противъ турокъ, то такое разсужденіе нажется мнѣ не совсѣмъ здравымъ по многимъ причинамъ. *Во первыхъ* турки притѣсняютъ грековъ вовсе не потому, что они греки и не согласны съ вами въ нѣкоторыхъ догматахъ, а потому, что они чтутъ крестъ Христовъ. Поэтому турки прежде всего враги креста Христова, а потомъ уже грековъ. Итакъ ваша помощь грекамъ будетъ собственно помощію Христу. Справедливость требуетъ, чтобы и вы были защитники Христа, какъ и греки. *Во вторыхъ* теперь, пока еще греческая имперія здравствуетъ и пользуется своими правами, весьма удобно латинянамъ вмѣстѣ съ греческимъ императоромъ ниспровергнуть турокъ. Итакъ нужно воспользоваться этимъ удобнымъ временемъ, иначе придетъ пора, когда вы будете думать не о томъ, какъ идти на турокъ, но о томъ, какъ защищаться отъ ихъ нападений. *Въ третьихъ*, вы не отказали бы въ помощи даже и туркамъ, если бы они попросили ее у васъ противъ татаръ и сарацинъ, потому что для васъ было бы полезно въ союзѣ съ турками воевать противъ татаръ и сарацинъ, нежели однимъ противъ всѣхъ этихъ трехъ народовъ вмѣстѣ. Точно также полезно для васъ въ союзѣ съ греками, все равно примутъ ли они ушю или нѣтъ—воевать противъ нечестивыхъ,

нежели однимъ бороться съ турками и паче сивыми. *Въ четвертыхъ*, знайте и то, что не столько различіе въ догматахъ вѣры отвергаетъ отъ васъ сердца грековъ, сколько многократныя и тяжкія бѣдствія, какія греки въ различные времена претерпѣвали отъ латинянъ, и досель ежедневно терпятъ; прежде нежели изгладится въ ихъ сердцахъ эта ненависть, не можетъ состояться и уніа. Ненависть жѣ эта можетъ исчезнуть, какъ скоро вы окажете имъ благодѣаніе, дадите имъ теперь требуемую помощь. Иначе—никто не посмѣетъ и намекнуть грекамъ объ уніи. *Въ пятыхъ*, да будетъ вамъ извѣстно и то, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ просить помощи, а одинъ императоръ, секретно; и если вы не пошлете помощи, то опъ не можетъ объявить своему народу, что желаетъ уніи.— Я съ своей стороны сказалъ и объяснилъ вамъ все, что считалъ за лучшее; но пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу.—

Папа, выслушавъ это, сказалъ, что подвергать новымъ обсужденіямъ тѣ пункты вѣроученія (объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и проч.), которые уже общимъ голосомъ церкви восточной и западной были рѣшены на прежнихъ соборахъ (Ефесскомъ, Толедскомъ и Лионскомъ), значило бы возбуждать въ людяхъ сомнѣнія въ томъ, что требуетъ безусловной и твердой вѣры, какъ освященное авторитетомъ вселенской церкви. Тогда Варлаамъ предложилъ такой вопросъ: «нельзя ли допустить унію, предоставивъ грекамъ содержать символъ вѣры безъ «*Filioque*», въ томъ случаѣ, если они не согласятся принять это прибавленіе? Папа отвѣчалъ, что никакъ нельзя этого сдѣлать, такъ какъ въ католической церкви должна быть только одна вѣра и не должно быть въ ней никакихъ заблужденій. А для разсѣянія заблужденій греческихъ и разрѣшенія разныхъ недоумѣній по вопросамъ вѣры, всего лучше сдѣлать такъ. Пусть императоръ и патріархъ изберутъ мудрыхъ представителей восточной церкви и пришлютъ сюда для предполагаемой цѣли. Что же касается до

вселенского собора, то онъ и всегда представлялъ не мало затрудненій, требуя слишкомъ много времени, издержекъ и большихъ хлопотъ, а въ теперешнее смутное время онъ становится почти не возможнымъ». Варлаамъ замѣтилъ на это, что «безъ вселепскаго собора дѣло уніи не состоится и посольство со стороны греческаго императора, которое предлагаетъ папа, ни къ чему хорошему не поведетъ. Такія мѣры напомнятъ народу унію Михаила Палеолога, и могутъ сопровождаться величайшею опасностію для императора со стороны народа. Кромѣ того, константинопольская церковь не можетъ отправить къ вамъ пословъ безъ согласія патріарховъ александрійскаго, антиохійскаго, іерусалимскаго; а созвать всѣхъ ихъ вмѣстѣ для совѣщанія, въ настоящее время по причинѣ войны, невозможно. Поэтому не могу вамъ сказать павѣрное, придутъ ли отъ насъ къ вамъ послы, или нѣтъ. Но если не придутъ, то не приписывайте этого только перадѣнію императора, который съ своей стороны всей душой желаютъ уніи....»

Такъ изъяснялся краснорѣчивый Варлаамъ съ несговорчивымъ святѣйшествомъ.

Была ли послана грекамъ помощь—неизвѣстно; но ни вселенскій соборъ, ни унія не состоялись ¹⁾.

¹⁾ Curs, Compl. t. CLI, p. 1331—1342- Левъ Алліцій замѣчаетъ, что дѣло соединенія церквей не состоялось на этотъ разъ, благодаря неблагоразумному вмѣшательству Никифора Григоры, который отклонилъ грековъ отъ совѣщаній съ латинянами, убѣдительно доказавъ своимъ соотечественникамъ, что латиняны *невозможно* довести до истины никакимъ способомъ убѣжденія, ни ссылкой на авторитетное ученіе православной церкви, ни отвлеченными разсужденіями въ формѣ силлогизмовъ Leon. Allat. De occident. et orient. eccles. perpet. consensu, lib. II, cap. XVII.—О силлогизмахъ, которые въ то время получили уже широкое развитіе и господство въ школахъ и богословскихъ системахъ западной Европы, Григора написалъ

Въ этой посольской дѣятельности Варлаамъ уже въ послѣдній разъ является сторонникомъ грековосточнаго православія. Съ этого же времени (въ 1340 г.) онъ становится врагомъ его, въ началѣ можетъ быть и не думая сдѣлаться такимъ. Порученіе, сдѣланное ему императоромъ, какъ человѣку наиболѣе умному и ловкому, чрезвычайно возвысило Варлаама въ собственныхъ глазахъ, хотя онъ и безъ того не могъ не сознать, съ нѣкоторою гордостью, своего превосходства надъ окружающими его въ Византіи людьми, (которые за не многими исключеніями, были гораздо ниже его по развитію и учености). Опираясь съ одной стороны на свои достоинства, съ другой на близость свою къ императору, онъ (можетъ быть) рассчитывалъ на болѣе высокое значеніе въ имперіи, чѣмъ какое доставляло ему положеніе игумена и учителя богословія. Поэтому, чтобы съ большею очевидностію выставить свои достоинства и права на занятіе высшаго поста, Варлаамъ началъ порицать представителей греческаго православія и въ концѣ концовъ незамѣтно впалъ въ ересь.

Дѣло было такъ.

Однажды въ Фессалоникиѣ зашелъ онъ въ монастырь, такъ называемыхъ «исихастовъ» (покоющихся), чтобы ознакомиться съ образомъ жизни тамошнихъ монаховъ. Здѣсь прежде всего не могла не броситься ему въ глаза и не показаться странною рѣзкая разница въ типѣ греческаго подвижничества, въ сравненіи его съ типомъ подвижничества на западѣ. На западѣ, какъ из-

цѣлый трактатъ. Въ этомъ трактатѣ онъ старается опредѣлить, въ какой мѣрѣ силлогистическій способъ доказыванія истины можетъ быть допущенъ при обсужденіи вопросовъ, касающихся догматовъ вѣры, и—въ противоположность мнѣніямъ объ этомъ предметѣ тогдашнихъ западныхъ богослововъ (Томы Аквината напр.) весьма ограничиваетъ роль силлогизма въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ. (Iстор. Догматизмъ сж. 866).

вѣстно, монахи вели въ монастыряхъ жизнь трудовую и разнообразно дѣятельную; кругъ занятій ихъ не ограничивался молитвою и вообще религіозными упражненіями; они занимались и науками, воздѣлывали землю и т. п. Восточные же монахи большею частію отличались замкнутою созерцательностію и суровымъ самоистязаніемъ, ограничивая поприще своей дѣятельности узкими стѣпами мрачной келліи. Эти общія черты восточнаго подвижничества у психатовъ были доведены до крайняго развитія.—Но еще болѣе удивился Варлаамъ, когда выслушалъ отъ одного брата-испхаста, будто монахи, въ минуты наиболѣе глубокаго религіознаго настроенія, удостоиваются видѣть божественный свѣтъ ¹⁾).

1) Аскетизмъ былъ такъ развитъ на востокѣ, что тамъ существовали особыя аскетическія правила, предписывающія иногда такіа уродливыя формы религіозныхъ упражненій, что становится грустно при мысли, до какихъ странностей можетъ довести человѣка воображеніе, развитое до болѣзненной односторонности. Такъ одинъ настоятель Ксерокерскаго монастыря, Симеонъ, изобрѣлъ чрезвычайно странный способъ молитвы, который потомъ распространился по другимъ монастырямъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ излагаетъ его такимъ образомъ. «Заперши двери, сядь въ углу келліи твоей и отвлеки мысль твою отъ всего земнаго, тлѣннаго и скоропреходящаго. Потомъ положи подбородокъ твой на грудь свою и устреми чувственное и душевное око твое на пупокъ твой; далѣе сожми обѣ ноздри твои такъ, чтобы едва можно было дышать и отыщи глазами приблизительно то мѣсто сердца, гдѣ сосредоточены всѣ душевныя способности. Сначала ты ничего не увидишь сквозь свое тѣло, но *когда ты проведешь въ такомъ положеніи день и ночь*, то—о чудо!—ты увидишь то, чего никогда не видалъ, именно ты увидишь весьма ясно, что вокругъ твоего сердца распространяется божественный свѣтъ»—(Leo Allatius De ecclesiae occid. et orient. consensu, lib. II, cap. 17, pag. 828). Очень можетъ быть, что это руководство Симеона было извѣстно и испхастамъ.—Замѣтимъ кстати, что на Афонѣ и доселѣ существуетъ способъ молитвы по методѣ Симеона, и извѣ-

Варлаамъ привязался къ этому и открыто началъ обличать монаховъ въ заблужденіи, называя ихъ *мессалианами*, *омфалопсихами*, разрушителями правыхъ догматовъ, и проповѣдывалъ, чтобы никто изъ людей, ищущихъ душевнаго спасенія не ввѣрялъ имъ своихъ душъ, потому что они сами находятся въ обольщеніи, и другихъ обольщаютъ. Эти мысли онъ распространялъ не только устно, но и письменно. Монахи сочли себя глубоко оскорбленными выходками Варлаама, вознегодовали на него, и выставили изъ среды своей сильнаго защитника, столкновеніе съ которымъ повело къ невыгоднымъ для Варлаама послѣдствіямъ.

Это былъ *Григорій Палама*.

Онъ былъ родомъ азіатецъ, и воспитывался при императорскомъ дворѣ. Еще въ дѣтствѣ онъ оставилъ родителей, и блеску и прелестямъ придворной жизни предпочелъ уединеніе жизни монастырской, полной лишеній и самоотреченія. Выѣстъ съ малолѣтними своими братьями онъ отправился на гору Аѳонъ,—это *царство небесное* ¹⁾, какъ ее тогда называли, и тамъ постригся.

стенъ тамъ подъ названіемъ *умной* молитвы. Недавно одинъ изъ аѳонскихъ монаховъ, изображая аскетическіе подвиги современнаго ему, знаменитаго на Аѳонѣ старца, описалъ этотъ способъ молитвы въ чертахъ очень близкихъ къ представленнымъ нами выше. (См. «Воскресное Чтеніе» 1871 г. № 47).

¹⁾ Симпатія къ св. горѣ объясняется историческими обстоятельствами. Въ эпоху постоянныхъ смутъ и волненій (какова разсматриваемая нами эпоха), когда все окружающее не представляетъ ничего отраднаго, и когда наблюдатель совершенно теряется при объясненіи того, что вокругъ него дѣлается,—у многихъ, въ особенности у людей болѣе или менѣе созерцательнаго настроенія, естественно является желаніе закрыть глаза отъ навязчивыхъ и тревожныхъ впечатлѣній бурнаго моря житейскаго, и погрузиться въ себя самаго. Гора Аѳонъ, расположенная вдали отъ шума и тревоженій мірскихъ, всего болѣе нравилась людямъ съ такимъ настроеніемъ, и вотъ почему тамъ скоро образовалось дѣйствительно цѣлое государство сво-

Изучивши въ теченіи многихъ лѣтъ правила подвижничества и укрѣпившись духомъ, Палама, для большаго самоусовершенствованія, затворился потомъ въ одномъ скиту и безвыходно провелъ тамъ десять лѣтъ, въ ужасныхъ самоистязаніяхъ. Затѣмъ, проживши еще нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ, Палама, побуждаемый болѣзнію, прибылъ въ Фессалоникию, гдѣ и столкнулся съ Варлаамомъ.

Понятно какъ долженъ былъ отнестись такой человѣкъ къ нападкамъ на жизнь монастырскую. Онъ весьма горячо принялъ къ сердцу вѣренную ему защиту иноческой чести; но дѣйствовалъ при этомъ умѣренно. Онъ сперва отправилъ къ Варлааму депутацію изъ нѣсколькихъ монаховъ и снабдилъ ихъ инструкціею, какъ и что они должны были говорить. Эти монахи объяснили (ему) Варлааму, что брать-исихастъ, съ которымъ онъ разговаривалъ о монастырской жизни, невѣжественъ и глупъ, и самъ не зналъ что говорилъ, и что поэтому нельзя на основаніи

его рода изъ людей, ищущихъ мирнаго уединенія. Сюда стекались иногда и люди ученые, чтобы съ большимъ удобствомъ предаться своимъ занятіямъ. Вслѣдствіе этого Аѳонскіе монастыри обладали даже большими образовательными средствами, и въ этомъ отношеніи *рѣзко отличались отъ другихъ восточныхъ* монастырей, поставившихъ исключительною спеціальностію своею религіозныя упражненія. Аѳонъ былъ для подвижающихся тамъ хорошей школой не только подвижничества, но и наукъ духовныхъ и свѣтскихъ. Это мы видимъ въ примѣрѣ самаго Паламы. Онъ съ самаго ранняго дѣтства и почти до самой старости жилъ въ аѳонскихъ монастыряхъ, между тѣмъ возвратившись оттуда, онъ является человѣкомъ весьма ученымъ, по тогдашнему времени, съ обширными свѣдѣніями не только въ св. Писаніи и отеческихъ твореніяхъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ. Онъ написалъ весьма много сочиненій по богословію, полемическихъ, правоучительныхъ, историческихъ, аскетическихъ; писалъ даже по физикѣ (Curs. Compl. t. CL, CLI). Очевидно онъ приобрѣлъ эти свѣдѣнія на Аѳонской горѣ.

его словъ дѣлать каѳіи либо заключенія объ остальныхъ монахахъ. «Впрочемъ», замѣтили послы, «что касается до божественнаго свѣта, о которомъ рассказывалъ братъ-исихастъ, то здѣсь нѣтъ ничего недѣлаго или страннаго; потому что мы знаемъ примѣры изъ исторіи и до и послѣ Рождества Христова, что люди иногда удостоивались видѣть тѣлесными очами божественный свѣтъ. Самый лучший примѣръ этого представляетъ намъ евангельская исторія, рассказывая намъ, что во время преображенія Господня на Өаворѣ апостолы тѣлесными очами видѣли не созданный свѣтъ, осіявшій Христа». Въ заключеніе послы просили Варлаама оставить свои нареканія и болѣе не говорить, и не писать ничего противъ монаховъ, а уже написанное уничтожить.

Но это посольство только еще болѣе утвердило Варлаама въ невыгодномъ мнѣніи о монахахъ. Ему показалось не только глупостью, но и ересью—называть свѣтъ, видѣнный апостолами на Өаворѣ, не созданнымъ. Онъ написалъ по этому поводу еще нѣсколько сочиненій, въ которыхъ доказывалъ, что Григорій Палама, считая видѣнный на Өаворѣ свѣтъ за несозданное божество, (будто бы) допускаетъ такимъ образомъ существованіе двухъ боговъ,—и называлъ Паламу за это двубожникомъ; далѣе, доказывалъ, что Өаворскій свѣтъ есть свѣтъ созданный. Это-то послѣднее положеніе и было главнымъ пунктомъ ереси, противъ которой энергически вооружился Палама. Онъ также письменно началъ защищать свое мнѣніе, подкрѣпляя его свидѣтельствами св. отцовъ и доказывая, что Варлаамъ вводитъ ученіе ложное, противное мнѣніямъ Богослововъ, просвѣщенныхъ божественною мудростію. Полемика продолжалась болѣе года; сочиненія Варлаама распространялись и пріобрѣтали ему приверженцевъ. Наконецъ Варлаамъ, въ надеждѣ на свое краснорѣчіе, думалъ одержать торжественную побѣду надъ своимъ противникомъ. Съ этою цѣлію онъ отправился къ тогдашнему константинопольскому патріарху, Іоанну Калекасу, представилъ своихъ противниковъ, казъ

еретиковъ, и просилъ его созвать соборъ и пригласить ихъ для пренія съ нимъ предъ лицомъ всего сообрания. Патріархъ, выслушавши Варлаама, пашелъ, что правда на сторонѣ противниковъ доносчика, а его самого, напротивъ, призналъ еретикомъ. Для прекращенія уже возникшихъ волненій въ церкви патріархъ немедленно позаботился созвать соборъ ¹⁾.

На этомъ соборѣ Варлаамъ убѣдился, что на востокѣ не уважають никакихъ, даже самыхъ сильныхъ доводовъ разсудна, въ богословскихъ разсужденіяхъ, если эти доводы протіворѣчаютъ авторитетному ученію св. Писанія и церковнаго преданія, и что безъ этой опоры (св. Писанія и св. преданія) самый могучій умъ, самое пламенное краснорѣчіе ничего не значать въ религіозныхъ спорахъ. Передадимъ вкоротѣ содержаніе довольно длиннаго соборнаго акта, изданнаго въ 1341 г.—подробно изображающаго обстоятельства и ходъ дѣлъ на этомъ соборѣ.

«Наша патріаршая мѣрность»,—пишется въ актѣ отъ лица патріарха,—«созвала соборъ и пригласила на него обвиняемыхъ Варлаамомъ монаховъ и самаго Варлаама. Первые явились; послѣдній на этотъ разъ отказался на томъ основаніи, что на соборѣ не было императора ¹⁾ (онъ находился тогда въ Акорпаніи [Ibid.]). Соборъ поэтому былъ отложенъ до пріѣзда императора. Когда соборъ былъ открытъ во второй разъ, уже подъ предсѣдательствомъ императора, явился и Варлаамъ. Предъ многочисленнымъ собраніемъ монаховъ, клириковъ и мірянъ Варлааму предложили высказать все, что онъ имѣетъ противъ жизни подвижниковъ. Варлаамъ,

¹⁾ Cantacuz. lib. II, cap. XXXIX.

²⁾ Новое доказательство того, что Варлаамъ былъ близокъ къ императору. Варлаамъ, какъ видно вполне расчитывалъ на его сочувствіе къ себѣ и высочайшее покровительство, и потому считалъ присутствіе его на соборѣ полезнымъ для успѣха своего дѣла... Но императоръ остался на сторонѣ православія.

оставляя это дѣло въ сторонѣ, требовалъ прежде всего разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, занимавшихъ его и его противниковъ. Тогда патріархъ велѣлъ прочесть въ слухъ всѣхъ присутствующихъ на соборѣ каноническія правила о томъ, кто можетъ разсуждать о догматахъ, вѣры и какія предосторожности должны соблюдать при этомъ люди, имѣющіе право изъяснять ихъ. Затѣмъ принесены были и прочитаны сочиненія Варлаама подъ заглавіемъ: «противъ Мессалиапъ» (такъ пазывалъ онъ психастовъ), въ которыхъ онъ разсуждалъ о Ѡаворскомъ свѣтѣ, между прочимъ такимъ образомъ: «Свѣтъ, просіявшій на Ѡаворѣ не только не былъ свѣтъ Божества, высшій ангеловъ, но былъ даже по существу своему ниже нашей мысли. Мысли наши не подлежатъ вышнему чувству, не могутъ быть видимы; тогда какъ свѣтъ оный былъ видимъ тѣлесными глазами,—притомъ глазами людей не совершенныхъ, еще не освященныхъ благодатію,—какъ нѣчто вещественное, являвшееся въ пространствѣ и окрашивающее воздухъ. Итакъ тѣ, которые говорятъ, что свѣтъ видѣнный на Ѡаворѣ, выше ума, совершенно заблуждаются, и не зная ничего, кромѣ видимыхъ благъ, вводятъ въ церковь вредныя ученія». Эти разсужденія были признаны противными мнѣніямъ св. отцовъ, изъ твореній которыхъ тогда же были приведены безчисленные цитаты, имѣющіе отношеніе къ вопросу о Ѡаворскомъ свѣтѣ.—Считая такимъ образомъ Варлаама побѣжденнымъ въ одномъ пунктѣ, соборъ отыскалъ въ его сочиненіяхъ другой пунктъ, достойный осужденія. Это—его мнѣніе о молитвѣ: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» Варлаамъ утверждалъ, что эта молитва не православна, что она составлена въ духѣ Богомилскаго ученія объ І. Христѣ. Но ему доказали, что эта молитва имѣетъ основаніе въ евангеліи и ученіи св. отцовъ.... Затѣмъ императоръ произнесъ воодушевленную рѣчь въ защиту православія, послѣ чего Варлаамъ былъ торжественно объявленъ еретикомъ (за ученіе о Ѡаворскомъ свѣтѣ) и клеветникомъ, а монахи—

вѣрными ученію св. отцовъ и свободными отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій. Тогда Варлаамъ (будто бы) просилъ извиненія у монаховъ. Въ заключеніе патріархъ объявилъ Варлааму, что если не покается, и не перестанетъ опять говорить и писать что нибудь еретическое, и взводить разные хулы на монаховъ, то будетъ отлученъ отъ церкви ¹⁾.

Оскорбленный и униженный, Варлаамъ, жалуясь на несправедливость соборнаго суда надъ нимъ, вскорѣ послѣ собора удалился въ Италію и здѣсь сдѣлавъ былъ епископомъ ²⁾. Въ то же время въ Византіи въ видахъ окончательнаго пресѣченія зла, изданъ былъ особый патріаршій указъ, которымъ повелѣвалось всѣ еретическія сочиненія Варлаама, какія только у кого окажутся, немедленно отобрать и представить патріарху для уничтоженія ³⁾. Считал такимъ образомъ все поконченнымъ по отношенію къ ереси, патріархъ съ торжествомъ извѣщалъ объ этомъ Аѳонскихъ монаховъ, которые интересовались знать объ исходѣ борьбы ихъ воспитанника и сподвижника (Паламы) за православіе ⁴⁾.

Но торжество оказалось слишкомъ поспѣшнымъ. Варлаамъ не даромъ прожилъ на востокѣ; онъ оставилъ между самими греками не мало учениковъ, вполне усвоившихъ его образъ мыслей. По удаленіи своего учителя, они явились продолжателями его дѣла, защитниками и распространителями его ученія, и долгое время волновали церковь. Толки о Фаворскомъ свѣтѣ они свели на разсужденіе объ отношеніи сущности божества къ ея проявленіямъ. Поднялась по этому вопросу жаркая полемика между Варлаамитами и Паламитами. Съ той и другой стороны было

¹⁾ Acta Patriarch. Constantinop. t. I, p. 202—216.

²⁾ Cantacuz. lib. II, cap. XL.

³⁾ Act. P. C. t. I, p. 201—202.

⁴⁾ Ibid. 238—242.

написано много сочинений. Наибольше замѣчательнымъ послѣдователемъ Варлаама былъ монахъ и богословъ Акиндинъ. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о сущности и свойствахъ Божіихъ. Воспитавшись подъ руководствомъ западника Варлаама, онъ училъ объ этомъ предметѣ въ духѣ схоластическаго богословія Θомы Аквината, развивая и доказывая во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ главнымъ образомъ ту мысль, что въ Богѣ сущность и свойства и дѣйствія различаются между собою только нашимъ разсудкомъ, а на самомъ дѣлѣ составляютъ одно и тоже божественное естество. Поэтому онъ не допускалъ, что свѣтъ Θаворскій былъ сіяніемъ самого Божества, потому что въ такомъ случаѣ видѣвшіе его видѣли бы въ тоже время сущность Божества, что невозможно. Онъ училъ, подобно Варлааму, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Θаворѣ, былъ сотворенный, и выражалъ это такимъ силлогизмомъ: все, что можно видѣть тѣлесными глазами, сотворено; свѣтъ Θаворскій видимъ былъ тѣлесными глазами; слѣдовательно онъ сотворенъ, и слѣдовательно онъ не божество ¹⁾. Палама, противопоставляя разсужденіямъ *отъ разума* ученіе св. отцевъ, доказывалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ (особенно въ своемъ: «Θεοφάνης, η περί θεότητος καὶ τοῦ κατ' αὐτὴν ἀμεφύκτου τε καὶ μεθέκτου ²⁾» ту мысль, что существо Божіе имѣетъ такъ сказать, двѣ стороны,—недоступную для человѣческаго пониманія—это сущность Божества, и доступную—свойства его. Поэтому, не допуская, что Θаворскій свѣтъ былъ проявленіемъ самой сущности Божества, Палама утверждалъ, что въ этомъ свѣтѣ видимымъ образомъ проявилась доступная человѣку часть Божества.

Кромѣ явныхъ послѣдователей Варлаама были въ Византіи и тайные поклонники и друзья его, и при томъ между такими лицами, которыя считались самою твердою опорою православія.

¹⁾ Curs. Compl. t. CLI.—Cantacuz. lib. 11. cap. XL; примѣчаніе 7.

²⁾ Curs. Compl. t. CL. p. 910—959.

Въ то время, какъ первые открыто спорили о богословскихъ вопросахъ, эти послѣдніе вели съ Варлаамомъ тайную переписку. Таковъ былъ епископъ Фессалоникійскій Димитрій. Онъ благоговѣлъ предъ Варлаамомъ за его ученость и чувствовалъ къ нему такую привязанность, что когда однажды пронесся ложный слухъ, будто Варлаамъ опять пріѣхалъ въ Византію, то онъ по его собственному выраженію. «опьянѣлъ отъ радости». Подъ вліяніемъ Варлаама онъ развилъ въ себѣ привычку къ силлогизмамъ. Когда онъ задумывался надъ догматомъ объ исхожденіи св. Духа, и разсматривалъ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится объ этомъ предметѣ, то ему казалось, что эти мѣста могутъ одинаково доказывать и исхожденіе св. Духа отъ Отца, и — отъ Отца и Сына. Это причиняло ему глубокую скорбь, и воиъ, для облегченія ея, онъ написалъ къ Варлааму длинное письмо, въ которомъ подробно излагаетъ ему всѣ свои сомнѣнія и проситъ его разрѣшить ихъ ¹⁾. Варлаамъ отвѣчалъ на это уже въ духѣ совершенно католическомъ, доказывая, что Духъ святыи исходитъ отъ Отца и Сына и называя еретиками тѣхъ, кто вѣруетъ въ исхожденіе св. Духа отъ одного Отца ²⁾. Въ католическомъ же духѣ писалъ онъ «къ друзьямъ, оставшимся въ Греціи» о главенствѣ папы, которое теперь также обстоятельно доказывалъ, какъ прежде опровергалъ ³⁾.

Между письмами Варлаама «къ друзьямъ, оставшимся въ Греціи» одно настолько замѣчательно, что вполне заслуживаетъ того, чтобы войти о немъ въ нѣкоторыя подробности. Въ этомъ письмѣ Варлаамъ, стараясь доказать превосходство Западной церкви предъ Восточною, проводитъ характерную параллель между строемъ церковной и отчасти гражданской жизни на Западѣ и на Востокѣ. Высказанныя въ этомъ письмѣ замѣчанія Варлаама

¹⁾ Curs. Compl. t. CII. p. 1283—1301.

²⁾ Ibid. 1301—1309.

³⁾ Ibid. 1271—1282.

относительно Восточной церкви тѣмъ болѣе интересны и цѣнны для насъ, что Варлаамъ, имѣя случай непосредственно наблюдать особенности и состояніе церковной жизни на Востока, говорилъ въ этомъ случаѣ съ знаніемъ дѣла, и говорилъ не безъ нѣкоторой правдивости. Мало того, о *Востока* Варлаамъ даже не могъ писать ложь, когда писалъ «друзьямъ въ Грецію», такъ какъ послѣдніе сами хорошо были знакомы съ Востокомъ, и слѣдовательно могли обличить лжеца.

Мы обратимъ вниманіе только на существенную и особенно важную для нашей цѣли часть содержанія писема Варлаамова, именно на тѣ *четыре пункта*, въ которыхъ Варлаамъ сопоставляетъ Западную церковь съ Восточною. Вотъ въ короткѣ содержаніе этихъ пунктовъ.

1) *Латиняне* управляются такими законами, въ которыхъ съ строгою точностію, полнотою и подробностію разъяснены и опредѣлены отношенія начальствующихъ другъ къ другу и къ подчиненнымъ, а равно и отношенія послѣднихъ между собою— во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; опредѣлена также и степень награды за добро и мѣра наказанія за зло. Словомъ.— все, что способствуетъ сохраненію мира между людьми, установлено и охраняется у латинянъ *законами*. . . А при справедливыхъ законахъ латинянамъ удобнѣе жить по Богѣ и соблюдать евангельскія заповѣди.— У *грековъ*, напротивъ, произволъ и прихоть сильнѣйшихъ служить закономъ, и благосостояніе или бѣдствіе подданныхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ такихъ или иныхъ *личныхъ качествъ правителей* страны. А сколько происходитъ отсюда золь какъ для государства, такъ и для церкви—*сами знаете*.

2) Въ церкви *римской* все благоустроено и твердо, какъ въ природѣ, потому что въ первой точно также, какъ и въ послѣдней, все возводится къ одному общему началу—обвиняющему и всеустраивающему. Это верховное начало въ Римской церкви

есть папа, представитель божественной воли на землѣ, его *всѣ* благоговѣйно чтутъ и *всѣ* безусловно покарятся его благоустроющей волѣ.

Въ церкви же *Греческой*, при множественности началъ замѣчается отсутствіе одного общаго и объединяющаго начала. Изъ существующихъ здѣсь патріарховъ ни одинъ ни *de jure*, ни *de facto* не почитается главою по отношенію къ другимъ, такъ что бы всѣ подчинялись и во всемъ повиновались ему. Священный, высокій санъ патріарха, зависитъ въ церкви Греческой отъ свѣтской власти верховнаго правителя того народа, среди котораго онъ поставленъ патріархомъ. Такъ, патріархъ болгарскій зависитъ отъ болгарскаго князя, патріархъ антиохійскій подчиненъ царю армянскому, надъ патріархами іерусалимскимъ и александрійскимъ властвуетъ нечестивый султанъ египетскій ¹⁾. Ни одинъ изъ нихъ не получилъ патріаршества безъ внимательства свѣтской верховной власти, которая часто основаніемъ избранія въ патріархи поставляетъ не достоинства избираемаго, а свой личный произволъ.

3) *У латинянъ* ученіе евангельское крѣпнеть, растеть и распространяется. Слово Божіе ревностно проповѣдается по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, приспособительно къ степени пониманія и образу рѣчи слушателей. Здѣсь *каждому* христіанину сообщается все то, что питаетъ благочестіе, побуждаетъ къ добродѣтели, — вообще все, что существенно необходимо ему для спасенія. Оттого здѣсь христіанство глубоко вошло въ жизнь каждаго гражданина. — *У грековъ* же очень мало людей искусныхъ въ словѣ, а еще менѣе такихъ, которые бы съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ занимались свящ. Писаніемъ, чѣмъ сочиненіями свѣтскихъ писателей. Что касается непросвѣщенной массы народа, то она остается совершенно непричастною спаси-

тальнаго Слова Божія. На одного человѣка, знающаго существенно необходимое для спасенія души, приходится здѣсь цѣлыя тысячи такихъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о сущности христіанскаго ученія. Все это весьма неблагопріятно вліяетъ на характеръ и жизнь грековъ.

4. Въ заключеніе Варлаамъ указываетъ на крайній недостатокъ у грековъ теплоты, искренности и твердости религиозныхъ убѣжденій. «Нѣкогда», говоритъ онъ, «христіане горячимъ и смѣлымъ исповѣданіемъ своей вѣры обращали въ христіанство даже жесточайшихъ гонителей своихъ. Теперь же мы видимъ на *востоку* противоположное этому явленіе: восточные христіане въ безчисленномъ множествѣ обращаются въ магометанство ¹⁾. Между

¹⁾ Не мало и вообще правды въ приведенныхъ нами сужденіяхъ Варлаама о Восточной церкви; справедливость же послѣдняго замѣчанія его о восточныхъ христіанахъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, такъ какъ подтвержденіе этого замѣчанія мы находимъ у самыхъ же грековъ, современныхъ Варлааму. Именно—въ «Acta Patriarchatus Constantinopolitani» записано не мало случаевъ сочувственнаго отношенія грековъ къ туркамъ. Такъ, одни изъ грековъ добровольно возвращали туркамъ, бѣжавшихъ отъ нихъ нѣжныхъ собратій своихъ—христіанъ (t. I, p. 392. t. II, p. 38); другіе, чтобы избавиться отъ слишкомъ строгихъ наказаній за извѣстные проступки (иногда незначительные) на судѣ соборномъ объявляли, что если имъ не будетъ оказано снисхожденіе, то они убѣгутъ къ туркамъ (t. I, p. 456; t. II, p. 53). Нѣкто Николай Болгаръ признается на соборѣ, что онъ *съ юзя ἀπὸ λῶπης* бѣжалъ къ туркамъ и «читилъ ихъ нечестіе» (t. I, p. 135). О томъ, какъ обыкновенны были между греками случаи сочувственныхъ отношеній къ туркамъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что зложелатели, для большаго успѣха въ ковахъ противъ своихъ ближнихъ, нерѣдко прибѣгали къ обвиненію послѣднихъ въ сношеніяхъ съ турками,—въ той конечно надеждѣ, что ихъ свидѣтельство будетъ имѣть полное значеніе, какъ правдоподобное, и постоянно подтверждающееся дѣйствительностію (t. II, p. 166). Такое, повидимому странное явле-

тѣмъ на западѣ Церковь Христова растеть,—въ нее вступаютъ все новые и новые члены. Такъ, въ Испаніи множество магометанъ приняли христіанство и сдѣлались чадами латинской церкви, и проч. (Curs. Compl. t. CII. p. 1258—1264)....

Всѣ эти обстоятельства возбуждительно дѣйствовали на послѣдователей Варлаама, оставшихся въ Греціи и болѣе и болѣе

ніе,—что *православные* христіане, изъ ревности къ чистотѣ вѣры не хотѣвшіе примириться и сойтись съ своими собратіями по вѣрѣ—съ западными христіанами, оказываютъ сочувствіе *невернымъ*, перелбѣгаютъ къ нимъ, и «чтятъ ихъ нечестіе»,—это явленіе можно объяснить, между прочимъ, слѣдующими обстоятельствами. Съ одной стороны, въ описываемую нами эпоху смуть и неурядицъ въ Византійской имперіи многимъ грекамъ было слишкомъ тяжело въ своемъ отечествѣ, и вотъ, какъ наши соотечественники—предки при подобныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ «бредли врозь» (по выраженію челобитныхъ XVII в., и грекамъ приходилось «ἀπὸ λύπης» брести, куда глаза глядятъ Съ другой стороны *неверные* турки были довольно гуманны въ своихъ отношеніяхъ къ христіанамъ. Это отчасти доказывается уже самымъ фактомъ бѣгства нѣкоторыхъ христіанъ къ туркамъ: никто не пошелъ бы на вѣрное притѣсненіе,—напротивъ греки бѣжали къ туркамъ *отъ* притѣсненій, надѣясь, очевидно, найти у неслѣдственныхъ спокойствіе .. Но кромѣ того мы имѣемъ и документальное свидѣтельство о гуманности отношеній турокъ къ грекамъ. Сознаніе этой гуманности *неверныхъ* было такъ сильно въ грекахъ, что они не могли умолчать о ней даже и тогда, когда хотѣли представить турокъ своими притѣснителями. Такъ, патріархъ константиноп. Нилъ въ письмѣ къ папѣ Урбану VI опровергая слухъ, будто письма, посылаемые отъ папы въ Константинополь, должны проходить сперва чрезъ руки турокъ,—говоритъ: «хотя мы поущеніемъ Божиимъ за грѣхи наши и страдаемъ отъ турокъ, впрочемъ пользуемся полною свободою—получать отовсюду письма отвѣчать на нихъ, рукополагать епископовъ и посылать ихъ, куда намъ угодно, и безпренятственно совершать церковныя дѣла даже въ *среди нечестивыхъ* ἐν μέσῳ τῶ τῶ τῶ ἀσεβῶν)..... (Act. P. C. t. II, p. 87.

усиливали волненія въ Восточной церкви. Противъ Акиндина, какъ наиболѣе смѣлаго и открытаго врага православія былъ созванъ соборъ—уже по смерти Андроника Младшаго, подъ предсѣдательствомъ Іоанна Кантакузена, тогда еще только великаго доместика. На этомъ соборѣ Акиндинъ былъ осужденъ тѣмъ же опредѣленіемъ, какимъ былъ осужденъ Варлаамъ ¹⁾.

Но и послѣ этого Акиндинъ не унялся, и смуты въ церкви не прекращались. Этому содѣйствовали особенныя обстоятельства. Постоянныя интриги византійскаго двора часто заразительно дѣйствовали и на высокихъ представителей церкви. Среди этихъ интригъ часто и религія обращалась въ средство для достиженія своскорыстныхъ цѣлей, и часто мѣриломъ православія или не православія вмѣсто символовъ вѣры и каноновъ церковныхъ становилась капризная симпатія или антипатія лицъ, облеченныхъ властію вязать и рѣшить. Не мало такихъ примѣровъ представляетъ византійская имперія и въ прежнія времена; тоже повторилось и въ разсматриваемомъ нами случаѣ.

Патріархъ, мучимый властолюбіемъ, думалъ управлять государствомъ, за малолѣтствомъ Іоанна Палеолога,—тогда какъ всѣ права на это имѣлъ Іоаннъ Кантакузенъ, который давно уже управлялъ государственными дѣлами и котораго самъ императоръ сдѣлалъ передъ смертію опекуномъ своихъ дѣтей. Различными клеветами на Кантакузена патріархъ достигъ того, что императрица удалила отъ себя великаго доместика. Палама (жившій тогда уже въ Константинополѣ и пользовавшійся благосклонностію двора) энергически возсталъ противъ безчестнаго образа дѣйствій патріарха, и не разъ смѣло обличалъ его. Іоаннъ Калекасъ, будучи не въ состояніи заставить Паламу раздѣлять съ нимъ враждебныя чувства къ Кантакузену, и при этомъ еще заподозрѣвая его въ домогательствѣ патріаршаго престола ²⁾, глубоко

¹⁾ Cantacuz. Lib. II, cap. XL.

²⁾ Cantacuz. Lib. III, cap. XCVIII.

возненавидѣлъ защитника православія, которому недавно такъ горячо сочувствовалъ. Но не имѣя другихъ средствъ повредить своему мнимому сопернику, онъ принялъ сторону Акиндина. На соборѣ въ 1345 г. Калекасъ отмѣнилъ прежнее свое опредѣленіе противъ Варлаама и Акиндина, осудилъ Паламу, какъ неправославнаго, и произнесъ отлученіе на его единомышленниковъ ¹⁾. Кромѣ того въ теченіе двухъ лѣтъ (1345—1347) патріархъ писалъ противъ Паламы обличительныя сочиненія. Находясь подъ вліяніемъ патріарха императрица Анна также лишила Паламу прежняго своего благоволенія.

Но патріархъ и Акидинъ не долго торжествовали. Императрица проникла наконецъ въ замыслы патріарха, и приблизила къ себѣ Паламу. Послѣдній, по ея просьбѣ и по собственной ревности написалъ нѣсколько сильныхъ сочиненій противъ Варлаамитовъ. А въ февралѣ 1347 г. созвала въ своихъ покояхъ соборъ изъ приверженныхъ къ Паламѣ епископовъ, и на этомъ соборѣ Іоаннъ Калекасъ былъ осужденъ и лишенъ патріаршества. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе акта, изданнаго отцами этого собора и рѣшившаго судьбу Акиндина и Калекаса.

«Исконный врагъ рода человѣческаго, діаволъ, всегда старался отвлечь людей отъ Бога, и въ различныя времена избиралъ различныя къ этому пути, примѣнительно къ обстоятельствамъ. До Р. Христова онъ старался держать людей въ многобожіи. Когда же Іисусъ Христосъ привелъ всѣхъ людей къ единому истинному Богу, врагъ началъ сѣять ереси о лицѣ Іисуса Христа и взаимномъ отношеніи между лицами св. Троицы. Но и послѣ того какъ св. отцы побѣдили эти ереси, діаволъ не переставалъ чинить зло роду христіанскому, и вотъ теперь воздвигъ ересь Варлаамитскую. Варлаама осудили и онъ удалился; явился его послѣдователь Акидинъ,—осудили и его, и это осужденіе

¹⁾ Аст. Р. С. т. I, р. 286—287.

патріархъ скрѣпилъ собственноручною подписью. Но вотъ спустя два мѣсяца послѣ этого отъ зависти, коварства и властолюбія возникли при дворѣ царскомъ смуты и волненія самыя ужасныя, какія когда либо постигали его. Въ этихъ смутахъ особеннымъ коварствомъ заявилъ себя патріархъ, за что не разъ смѣло осуждалъ его Палама. Патріархъ началъ преслѣдовать за это Паламу и поощрять противъ него еретиковъ. Такъ, самого Акиндина онъ произвелъ въ діакона и имѣлъ его кандидатомъ (ὀποψιριος) на вессалоникійскую епископскую кафедру. Тогда боговѣнчанная императрица наша Анна созвала въ богохранимомъ дворцѣ своемъ соборъ, подъ предсѣдательствомъ своимъ и сына своего державнаго и святаго нашего самодержца и царя киръ-Іоанна Палеолога. На этомъ соборѣ императрица прежде всего повелѣваетъ прочесть прежнее соборное опредѣленіе объ еретикахъ; потомъ книжку (βιβλίον) патріарха, которую онъ, подъ видомъ благочестія, самъ прислалъ императрицѣ чрезъ архіереевъ и церковниковъ. Въ этой книжкѣ, составленной повидимому съ цѣлію истолкованія прежняго соборнаго опредѣленія, на самомъ дѣлѣ содержалось совершеннѣйшее извращеніе и опроверженіе его. Въ этой же книжкѣ найдены еретическія сочиненія патріарха, въ которыхъ онъ, возставаа будто бы противъ одного Паламы, на самомъ же дѣлѣ осуждаетъ и анаѳематствуетъ всякое благочестіе и всѣхъ отъ вѣка святыхъ...» Затѣмъ слѣдуютъ выдержки изъ этихъ сочиненій, въ которыхъ патріархъ является совершеннымъ послѣдователемъ Акиндина въ ученіи о существѣ и свойствахъ Божіихъ. Вотъ эти выдержки: «Дерзающимъ говорить, что слава Божества отлична отъ сущности Божіей—анаѳема. Говорящимъ, что божественная благодать, хотя не созданна, однако отлична отъ сущности Божіей—анаѳема. Тѣмъ, которые говорятъ, что не созданное доступно тѣлеснымъ очамъ—анаѳема... Мы не можемъ считать естественное дѣйствіе Божіе чѣмъ либо инымъ по отношенію къ сущности его и естеству, а также и считать чѣмъ либо от-

личнымъ отъ самой божественной сущности не созданный, совѣчный Богу, свѣтъ, или славу, или благодать». Или: «Все видимое тѣлесными очами не есть несозданно». И опять: «какъ можетъ созданное естество видѣть тѣлесными очами не созданное дѣйствіе, хотя бы это существо было ангелоподобное или даже ангельское». И опять: «Если кто на томъ основаніи, что Іоаннъ Дамаскинъ называлъ свѣтъ просіявшій на Фаворѣ—не созданнымъ и вѣчнымъ, называетъ этотъ свѣтъ пресущественнымъ Божествомъ, но отличнымъ отъ Божественной сущности, то такого богослова я считаю не основательнымъ. Почему? потому что у Дамаскина о свѣтѣ говорится только, что онъ не созданъ и вѣченъ, а того, что онъ отличенъ отъ божественной сущности не говорится...»

Исслѣдовавши это дѣло, мы епископы, съ согласія божественной и мудрой ревнительницы по благочестію, боговѣнчанной царицы нашей и святаго нашего самодержца и царя киръ-Іоанна Палеолога, всего синклита и церковниковъ, благочестивыхъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и многихъ другихъ разумныхъ мужей,—опредѣлили: патріарха, если онъ не раскается и не оставитъ оныхъ нечестивыхъ и нелѣпыхъ догматовъ, подвергнуть анафемѣ, потому что онъ самъ навлекъ на себя теперь то осужденіе, какое онъ нѣкогда изрекъ на соборѣ противъ Варлаама, именно, что всякій, кто будетъ обвинять монаховъ въ томъ, въ чемъ обвинялъ ихъ Варлаамъ, долженъ быть отсѣченъ отъ общества православныхъ христіанъ;—объявляемъ окончательно запрещенными (ἀπρόσδεκτα) всѣ сочиненія, написанныя имъ, или другимъ кѣмъ противъ Паламы и единомыслищихъ съ нимъ, такъ какъ эти сочиненія исполнены всякой хулы и противны благочестію и самой церкви. Акиндина же, такъ какъ онъ больше всѣхъ неистовствовалъ противъ благочинія, такъ какъ онъ уже и прежде осужденъ на соборѣ, и такъ какъ онъ безстыдно воспользовался временемъ смутъ и тяжкихъ бѣдствій народныхъ, чтобы, подъ предлогомъ борьбы съ Паламою, возстать на святыхъ от-

цовъ, и *призвести* страшное потрясене въ церкви, подвергается самому страшному осуждеію и считаемъ отчужденнымъ отъ всякаго священнаго служенія и объявляемъ его отлученнымъ и отсѣченнымъ отъ святой канолической церкви Христовой, а если не покается, то и отъ общества православныхъ христіанъ. Что касается до тѣхъ, которые были вовлечены имъ въ ересь, то нераскаянныхъ подвергаемъ одинаковому съ нимъ осужденію; а покаявшихся не только принимаемъ въ церковное общеніе съ собою, но и допускаемъ до степеней священства, нисколько не стѣняя ихъ согласно опредѣленію объ этомъ седьмаго вселенскаго собора Паламу же и единомысленныхъ съ нимъ монаховъ, оставшихся вѣрными преданіямъ св. отцовъ не только считаемъ свободными отъ всего того, что говорили противъ нихъ ихъ враги, но и объявляемъ ихъ ревностными поборниками и защитниками церкви и благочестія ¹⁾.

Но и послѣ этого собора число Варлаамитовъ и Акиндіанъ не только не уменьшалось, но и увеличивалось, такъ что ревнители благочестія, видя не дѣйствительность духовнаго оружія противъ еретиковъ, стали прибѣгать къ силѣ физической. Такой образъ дѣйствій обнаружился уже при избраніи патріарха на мѣсто низложеннаго Іоанна Калекаса. На соборѣ, созванномъ по этому случаю, Іоаннъ Кантакузенъ—тогда уже императоръ—избралъ на праздыи патріаршій престолъ Исидора, епископа Мопевасія, не задолго предъ тѣмъ низверженнаго Калекасомъ за сочувствіе и содѣйствіе Паламѣ. Многіе изъ собравшихся на соборъ не хотѣли признать этого избранія, и тѣмъ заявили свое нерасположеніе къ паламитамъ. Тогда императоръ силою заставилъ подписать угодное ему избраніе. «Созванные для избранія патріарха,—говорить одинъ изъ бывшихъ на соборѣ,—мы избрали не того, кого бы по общему братскому согласію избрала рука Божія, но вопреки

¹⁾ Act. P. C. t. I, p. 243—255.

апостольскимъ и отеческимъ правиламъ—того, кого заставилъ избрать императоръ; когда мы, за исключеніемъ не многихъ воспротивились этому, то насъ, какъ рабовъ, принудили къ тому силою ¹⁾. Недовольные избраніемъ Исидора, Варлаамиты начали распространять о немъ молву, что онъ сѣлъ на патріаршій престолъ, вооруженный свѣтскою властію, что онъ—глупый и пустой человѣкъ, что онъ не соблюдаетъ постовъ, будто онъ когда-то похитилъ изъ церкви богатыя украшенія съ иконъ, и серебряные сосуды передалъ для своего домашняго употребленія. Укоряли его даже за то, что онъ на страстной недѣлѣ ходилъ въ баню. Такой патріархъ можетъ ли научить чему либо доброму, говорили его противники? ²⁾ Не щадили они и Паламу. Они называли его печестивѣйшимъ изъ всѣхъ еретиковъ, когда либо бывшихъ, потому что онъ будто бы соединяетъ въ своемъ ученіи всѣ прежнія ереси: называли его даже сатаною, или предгечею его, возвѣщающимъ скорую кончину міра; «блаженъ», проповѣдывали Варлаамиты, «кто сохранитъ себя отъ печестивѣйшаго заблужденія Паламитовъ: онъ избавится отъ огня вѣчнаго» ³⁾! Понятно, какъ долженъ былъ отнестись новый патріархъ къ людямъ, оскорбляющимъ и честь его и честоту православія. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи ⁴⁾, восхваляя свои добродѣтели и подвиги, Исидоръ, между прочимъ, говоритъ, что онъ *«постоянно боролся съ акиндіанами, и пользуясь всякимъ удобнымъ временемъ, предлагалъ имъ врачевство покаянія»*, не смотря на всѣ оскорбленія съ ихъ стороны ⁵⁾.

¹⁾ Patrolog. Cours. Compl. t. CL, p. 881. Подтверждение второго пункта приведеннаго выше письма Варлаама къ друзьямъ въ Греции...

²⁾ Ibid. 882.

³⁾ Ibid. 871—872.

⁴⁾ Act. P. C. t. I, p. 287—294.

⁵⁾ Это врачевство покаянія предлагалось иногда при такой обстановкѣ, которая не совсѣмъ-то располагала къ истинному покаянію. Варла-

Но акиндіане не только не покорились патріарху и церкви, но однажды составили соборъ въ самомъ Константинополѣ (на который собралось десять епископовъ на лицо, а двадцать прислали свои мнѣнія письменно), произнесли осужденіе на патріарха, Патіаму и вообще всѣхъ его сообщниковъ ¹⁾. Вообще, хотя патріархъ и хвалился, что обращалъ акиндіанъ къ покаянію, но должно быть очень мало было покаявшихся. Обыкновенно покаяніе еретиковъ совершалось торжественно, предъ патріаршимъ соборомъ, съ произнесеніемъ символа вѣры и проклятія на еретиковъ, и заносилось въ акты собора. Между тѣмъ акты, относящіеся ко времени его патріархеской дѣятельности, не представляютъ ни одного подобнаго случая. По крайней мѣрѣ изъ его же собственнаго завѣщанія можно заключить, что ересь, которую—какъ онъ выражается—Варлаамъ посадилъ, а Акиндинъ возрастилъ, была къ концу его жизни (1350 г.) весьма сильна и приверженцы ея многочисленны. «Пишу сіе краткое завѣщаніе»—говоритъ Исидоръ—«всѣмъ православнымъ, чтущимъ Христа, чтобы они всячески избѣгали безбожійнаго ученія Варлаама и Акиндина и ихъ единомышленниковъ, и избѣгали общенія съ ними, какъ общенія съ демонами». Затѣмъ увѣщеваетъ императора такимъ образомъ: «возстанъ за благочестіе, воспламенись душею, скажи: «ревность дому Божію снѣде мя». Подражай, сколько можешь, Христу: какъ Онъ, не только содѣлывалъ людямъ спасеніе, но и разрушалъ власть діавола; такъ и ты—не только содержи благочестіе, но вооружись противъ нечестія; отгоняй волковъ отъ стада Христова. Пребывая до конца въ этой ревности, ты украсишь свое земное царство и насладишься благомъ царства небеснаго...» То предположеніе, что число послѣдователей Варлаама и Акиндина не умень-

амитовъ то прельщали обѣщаніями, то заключали въ тюрьму и варварски мучили, какъ разбойниковъ (Curs. Compl. t. CL, p. 889).

¹⁾ Curs. Compl. t. CL, p. 883—884.

шалось къ 1350 году, а еще увеличивалось, подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что съ этого времени установлено было требовать отъ возводимыхъ на іерархическія степени, вмѣстѣ съ исповѣданіемъ вѣры и осужденія на главныхъ еретиковъ и ихъ послѣдователей. (Таково исповѣданіе вѣры іеромонаха Кисея, избраннаго въ митрополита сугдайскаго около 1350 г. ¹⁾). Въ этомъ высказывается съ одной стороны нѣкоторое недовѣріе къ чистотѣ православія избираемаго лица, съ другой—желаніе посредствомъ клятвенныхъ обязательствъ загарантировать чистоту православія его на будущее время. И это недовѣріе и это желаніе всего естественнѣе тогда, когда опасность для православія особенно сильна,—когда въ средѣ православныхъ много еретиковъ.

При слѣдующемъ патриархѣ Каллистѣ (1350—1360 г.) между послѣдователями Варлаама и Акиндина уже являются такія видныя личности, какъ даровитый и учинѣйшій историкъ Григоръ (который прежде былъ за Паламу), два митрополита Юескій и Ганскій. Противъ нихъ созданъ былъ въ богохранимой палатѣ торжественный соборъ, на которомъ присутствовало множество епископовъ. Варлаамиты сильно защищались съ своей стороны, но были осуждены, какъ еретики. Составленъ былъ актъ, подтверждающій опредѣленія прежнихъ соборовъ и осуждающій новыхъ еретиковъ ²⁾.

¹⁾ Act. P. C. t. I, p. 294.

²⁾ Act. P. C. t. I, p. 407—408. Curs. Compl. CLI, p. 718—736. По свидѣтельству Досифея, въ измѣнѣ этихъ митрополитовъ православію (точно также, какъ въ измѣнѣ ему патриарха Іоанна Калекаса) главную роль играло честолюбіе. Какъ ефесскій, такъ и ганскій митрополиты расчитывали занять патриаршій престолъ въ Константинополѣ по смерти Нестора; но когда съ возшествіемъ на этотъ престолъ Каллиста, мечты ихъ разсѣялись, они съ досады приняли сторону Акиндина. Тотъ же Досифей сообщаетъ, что на соборѣ, осудившемъ этихъ новыхъ сановитыхъ акидіанъ, постановлено было—никому не писать и не говорить о предметѣ спора между еретиками и православными,—но что потомъ все таки оказалось

Во время такихъ смуть и волнений въ церкви, когда то и дѣло собирались соборы съ обѣихъ борющихся сторонъ, когда православные произносили осужденія на ережиковъ, еретики на православныхъ, и съ той и другой стороны разсылались письменныя опроверженія съ одинаковою претензіею на авторитетъ, когда сами патріархи (Іоаннъ Калекасъ колебался въ своихъ сужденіяхъ объ еретикахъ—въ это время люди, живущіе вдали отъ центра православія, отъ сцены главнаго дѣйствія,—люди не обладающіе искусствомъ различать пшеницу отъ плевель, и привыкшіе дѣйствовать по указанію вышнихъ,—могли впасть въ заблужденія даже не намѣренно. Такъ дѣйствительно и бывало, при чемъ нерѣдко оказывались не разборчивыми и не проищательными въ этихъ случаяхъ даже митрополиты. Такъ митрополитъ Сиды Кириллъ, предъ отправленіемъ въ Константинополь,—куда письмомъ приглашалъ его императоръ, съелъ нужнымъ преподать нѣкоторыя наставленія своему хартофилаксу Николаю и между прочимъ вотъ что писалъ ему по этому случаю. «Нынѣшніе люди—люди лукавые, клеветники, завистники, чуждѣ копенавистники, или лучше сказать богопенавистники, безбожники, невѣры, безъ всякой искры добра... Много нынѣ развелось волковъ, прикрытыхъ овечьими шкурами... Да будетъ тебѣ извѣстно, что присланы изъ Константинополя въ тремъ патріархамъ—антиохійскому, александрійскому и іерусалимскому,—и сюда на Кипръ грамоты (ὑπογραφαί) о безбожныхъ и многобожныхъ папамитахъ. На Кипръ принесли грамоту здѣшніе христіане. Прочитавши эту грамоту, мы сочли нужнымъ кое-что изъ нея выписать и послать вамъ, чтобы кто нибудь изъ приверженцевъ этой ереси, пришедши къ вамъ, не обольстилъ васъ и не совратилъ съ пути истиннаго. Если же кто изъ такихъ придетъ,—монахъ ли то будетъ, или

не мало нарушителей этого постановленія, которые и были заключены въ узы (Ἰστορ. Δοσιθεῶν, σελ. 860).

іерей, или епископъ, бѣгайте отъ него, какъ отъ собаки, какъ отъ змѣя, прѣслѣдуйте его и гоните прочь отъ предѣловъ вашихъ: потому что это новый и неслыханный догматистъ. Востаньте, встаньте и убѣждайте всѣхъ остерегаться многобожной ереси безбожныхъ паламитовъ и бѣгать отъ этихъ еретиковъ, какъ отъ тартара. тмы кромѣшней, огня геенскаго, скрежета зубоваго, червя неукротимаго: потому что христіанину не должно быть въ общеніи съ злѣйшими паламитами. А чтобы вы знали что нибудь объ ереси паламитовъ, такъ слушайте внимательнѣе». Затѣмъ дѣлается выдержка изъ граматы, въ которой излагается ересь паламитская и доказывается, что эта ересь содержитъ въ себѣ элементы и эллискаго многобожія и всѣхъ ересей, до того бывшихъ;—говорится даже, будто бы паламиты считали за божества пламя купины Моисеевой и огненную колесницу и коней, взявшихъ пророка Ілію на небо,—и за это ученіе паламиты названы огнепоклонниками и конепоклонниками. Въ заключеніе Кириллъ говоритъ: «прочитай это и священникамъ, пусть примутъ это къ свѣдѣнію, и какъ можно стараются избѣгать общенія паламитовъ. Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ съ тобой».

Но пастырь Сиды скоро поплатился за свою непроницательность и опрометчивость. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, въ особомъ письмѣ къ нему упрекалъ его за неосмотрительность и неосторожность, и требовалъ прислать на соборъ патріаршіи письменное исповѣданіе вѣры. Когда это исповѣданіе и вмѣстѣ анафематствованіе на еретиковъ было прислано, то соборъ призналъ Кирилла не только православнымъ, но и ревностнымъ борцомъ за православіе. «огнемъ, дышащимъ на еретиковъ»; а чтобы окончательно очистить его репутацію, объявилъ вышеупомянутое письмо его къ хартофилаксу подложнымъ, составленнымъ будто бы врагами и злоумышленниками Кирилла ¹⁾.

¹⁾ Act. P. C. t. I, p. 399—406

Успѣшнѣе всѣхъ велъ борьбу съ еретиками патріархъ Филофей (1360—1374 г.). Онъ имѣлъ для этого и много средствъ и много умѣнья. Будучи гораздо образованнѣе своихъ предшественниковъ, онъ дѣйствовалъ противъ еретиковъ не столько знаеюмоу и карательными мѣрами, сколько силою убѣжденія. Онъ разсылалъ грамоты другимъ патріархамъ, съ просьбою о содѣйствіи въ обращеніи еретиковъ ¹⁾, и написалъ противъ еретиковъ много сочиненій. Такъ онъ написалъ 12-ть книгъ противъ Григоры ²⁾, въ которыхъ основательно доказалъ заблужденія еретиковъ, по вопросу объ отношеніи божественной сущности къ божественному дѣйствію, и по вопросу о Фаворскомъ свѣтѣ ³⁾. Не мало содѣйствовало успѣхамъ въ борьбѣ съ ересью и то обстоятельство, что Паламы тогда уже не было въ живыхъ, и чувству личной вражды къ нему, которое играло такую важную роль въ распространеніи ереси, уже не было мѣста. Ересь такъ сказать начала переходить въ исторію, и для нея наступало время безпристрастнаго изслѣдованія, предъ судомъ котораго она не могла не оказаться не состоятельною. Вслѣдствіе всего этого дѣятельность патріарха Филофея противъ ереси и имѣла большой успѣхъ. Соборные акты времени его патріаршества свидѣтельствуютъ, что тогда еретики постоянно отрекались отъ ереси и обращались въ православіе ⁴⁾.

Для окончательнаго торжества православія Филофеей причель Паламу къ лику святыхъ, составилъ ему службу, акаѳистъ и сина-

¹⁾ Ibid. 407—409, 410—411.

²⁾ Къ ереси варлаамитовъ Григора прибавилъ еще нѣкоторые и свои лжеумудствованія, и за это былъ осужденъ митрополитомъ Селиврійскимъ. Вотъ это осужденіе: «Никифору Григорѣ за то, что онъ, между прочими лжеученіями, говорить, будто бы Богоматерь не входила въ святая святыхъ—анаѳема». Ibid. 490).

³⁾ Curs. Compl. CLI, 774 sqq.

⁴⁾ Act. P. C. t. I, pp. 501, 503, 560, 568, 574.

карий, въ которомъ изобразилъ его подвиги въ защиту православія ¹⁾.

¹ Curs. Compl. CL, p. 861—862. По мнѣнію Льва Алліція Палама канонизованъ незаконно. Въ доказательство этого мнѣнія Алліцій указываетъ во первыхъ на то, будто святость Паламы не была общепризнанною въ Греціи,—что будто его чтили, какъ святого, только въ Фессалоникѣхъ (мѣсто его епископской дѣятельности) и на Аѳонѣ (мѣсто его воспитанія); во вторыхъ ссылается на православнаго греческаго патріарха Геннадія, который будто бы прямо отрицалъ законность канонизаціи Паламы и упрекалъ грековъ за то, что они по своему обыкновенію восхвалять всякаго, кто изъ нихъ боролся и борется съ латинянами, прославили и канонизовали Паламу только за то, что онъ писалъ и вообще дѣйствовалъ противъ латинянъ (De occident, et orient. eccles. regret. consensu lib. II, cap. XVI). Въ опроверженіе этого мы приведемъ свидѣтельство самого Баллиста объ обстоятельствахъ канонизаціи Паламы, свидѣтельство характеризующее и вообще способъ канонизаціи святыхъ въ Греціи въ описываемое нами время. Канонизація эта совершалась, какъ сейчасъ увидимъ, съ строгою разборчивостію, осторожностію и предосторожностію. «Я», говоритъ патріархъ Филофей (въ синодальномъ томѣ (τόμος), изданномъ іерусалимскимъ патріархомъ Досіеємъ въ 1698 г.),—«признаю Паламу святымъ за его ангелоподобную жизнь, за постоянную и великую борьбу его съ плотію, діаволомъ и врагами церкви православной. Особенно же ясно убѣдился я въ его святости чудесами, какія онъ творилъ по смерти, содѣлавши гробъ свой источникомъ исцѣленій. Но чтобы удостовѣриться въ истинности его чудесъ, я (не потому, чтобы сомнѣвался самъ въ нихъ,—ибо я хорошо знаю достойную жизнь совершающаго ихъ,—а ради сомнѣвающихся и невѣрующихъ) приказалъ брату нашему великому эконому церкви той (Фессалоникійской, гдѣ былъ погребенъ Палама) изслѣдовать нѣкоторые изъ чудесъ Паламы и написать о нихъ мнѣ. Великій экономъ прежде всего непосредственно снесся съ тѣми, которые получили исцѣленіе отъ гроба Паламы, и такимъ образомъ непосредственно испытали на себѣ чудодѣйственную силу святаго;—взялъ съ нихъ удостовѣреніе въ томъ, что они говорятъ

Въ Послѣдній разъ упоминается объ ереси Варлаама подъ 1397 годомъ (Act. P. C. t. 2, p. 293), послѣ чего въ исповѣданіяхъ вѣры уже не встрѣчается анафематизмовъ на Варлаама и Акиндина (см. напр. Act. P. C. t. 2, p. 343, 467).

Были въ XIV вѣкѣ и еще нѣкоторыя ереси (Ibid. t. I, p. 402; t. 2, p. 293, Curs. Compl. Patr. t. CLI, p. 715), но онѣ не имѣли большого значенія и не были распространены.

Какъ смотрѣть на ересь Варлаамову? Чѣмъ объяснить ея происхожденіе?

Нѣтъ твердыхъ основаній предполагать, что Варлаамъ возбуждалъ религіозныя движенія на востокѣ въ интересахъ католической пропаганды, по внушенію папы ¹⁾. Такому предположенію противорѣчатъ слѣдующія обстоятельства. 1) Варлаамъ до возникновенія ереси, какъ мы видѣли, весьма усердно служилъ православію и словомъ и дѣломъ. 2) Обстоятельства возникновенія ереси, какъ онѣ описываются у Кантакузена (Cantacuz. lib. II, cap. XXXIX),—совершенно случайныя и не представляютъ ничего

правду, и тогда уже написалъ мнѣ обо всемъ этомъ, приславши свою грамоту съ достовѣрными свидѣтелями... Посему всякій желающій праздновать св. Паламѣ, пусть празднуетъ безпрепятственно. А что доселѣ не праздновали ему въ великой церкви и въ другихъ мѣстахъ, такъ это потому, что объ этомъ мы еще не сообщали священному собору. Теперь же объявляемъ общее соборное рѣшеніе и постановленіе:—пусть празднуютъ. Ибо относительно святыхъ, Богомъ прославляемыхъ, соблюдается церковію такой обычай: сперва прослеленный святой чтится мѣстною церковію (икона его выносится въ недѣлю православія на средину церкви, а также носится во времена торжественныхъ крестныхъ ходовъ¹⁾; потомъ, съ того времени какъ святость усопшаго утвердятъ на соборѣ, начинаютъ праздновать ему въ великой церкви и въ другихъ церквахъ» и проч. Curs. Compl. Patrolog. t. CLI, p. 711—712.

¹⁾ Такое предположеніе высказалъ напр. Григоровичъ въ журналѣ Министерства Народн. Просвѣщ. XLVII г. т. 51.

загода рассчитаннаго и преднамѣреннаго. 3) Самая ересь его не заключала въ себѣ никакихъ элементовъ католическаго вѣроученія. Это просто—плодъ пытливаго разсудка, воспитаннаго подъ вліяніемъ схоластики, уже господствовавшей тогда въ западныхъ школахъ. Эти схоластическія утонченности ереси Варлаама пришлись, какъ нельзя болѣе, по вкусу мыслящимъ грекамъ, такъ какъ греки всегда отличались созерцательнымъ направленіемъ, и озаменовали себя въ исторіи не менѣе утонченными ересями, чѣмъ ересь Варлаама ¹⁾.—Но такъ какъ во времена Варлаама

¹⁾ Полнѣйшее подтвержденіе этой мысли мы находимъ въ словахъ одного изъ послѣдователей Варлаама, аеонскаго монаха Прохора,—словахъ, которыя, въ качествѣ обвинительнаго пункта противъ этого варлаамита, приводятся въ изданномъ противъ него синодальномъ томѣ (тѣмъ). Характеризуя состояніе проповѣди на востокѣ въ XIV в., слова Прохора проливаютъ много свѣта на истинныя причины тогдашнихъ еретическихъ движеній въ константинопольскомъ патріархатѣ. «Меня обвиняютъ», говоритъ между прочимъ Прохоръ,—«въ томъ, что я пользуюсь въ своихъ разсужденіяхъ силлогизмами и считаю ихъ оракуломъ (χρησμος) богословія. Въ защиту противъ этого обвиненія я скажу вотъ что... Въ настоящее время и на насъ пришла іудейская клятва: затмилась очи наши, такъ что ничего не видятъ; духовные сторожа наши—слѣпцы, проповѣдники наши—люди нѣмые; не дастъ Господь глагола благовѣствующимъ силою мноюю. Поучаемые не доброжелательно расположены къ намъ и вовсе не считаютъ себя обязанными слушаться своихъ учителей τὰ πλῆθῃ τῶν διδασκωμένων ὕμῳ διαβόλως ἐκεῖ πρὸς ἡμᾶς, ὡς μηδὲ λόγον ἀπαντῶν ὑπέκχει πείθεσθαι. Что же? неужели теперь бросить и это единственное оставшееся средство (т. е. силлогизмъ) къ изысканію истины?...» (Curs. Compl. Patrolog., t. CLI, p. 701. Такимъ образомъ при отсутствіи правильнаго церковнаго руководства, люди, жаждущіе истины, поставлены были въ необходимость сами себѣ находить способы къ изысканію ея. А такіе произвольные способы и изысканія истины религіозной, естественно, не всегда могли удерживать пытливую мысль въ согласіи *съ разумомъ церкви*.

людей мыслящихъ и обладающихъ пытливымъ разсудкомъ между греками было мало, то ересь его, можетъ быть, скоро бы исчезла на востокѣ, если бы съ одной стороны смуты и волненія въ государствѣ не помѣшали пастырямъ церквей слѣдить за своей паствою, и если бы съ другой стороны къ религіознымъ спорамъ не примѣшались честолюбивыя и своекорыстныя стремленія, заставляющія многихъ поддерживать ересь отнюдь не по какимъ либо философскимъ, а тѣмъ болѣе религіознымъ побужденіямъ. 4) Предавши, такъ сказать, гласности свое еретическое ученіе и пришедши въ столкновеніе съ Паламой, Варлаамъ дѣйствовалъ такъ прямо, смѣло и рѣшительно, (Ibid. и Act. P. C. t. I. p. 203) какъ свойственно дѣйствовать скорѣе человѣку, увѣренному въ истинности своихъ убѣжденій и вообще въ правотѣ своего дѣла, нежели человѣку коварному, изъ подтишка и осторожно достигающему своей цѣли, какъ обыкновенно дѣйствовали и дѣйствуютъ агенты папы.

Что же касается до того, что онъ въ послѣдствіи, возвратившись въ Италію, писалъ противъ греческаго православія и тайно распространялъ латинскіе догматы между греками, то это можно объяснить глубоко оскорбленнымъ самолюбіемъ его. Подобныхъ примѣровъ перемѣны убѣжденій много можно найти въ исторіи.

Если же греки называли иногда Варлаама словомъ *λατίνος φρονος* (Act. P. C. t. I, p. 406), то не за его ересь, а за послѣдующее его ученіе, уже по удаленіи его въ Италію, и вообще за его воспитаніе въ латинскихъ законахъ и обычаяхъ. А что Варлаамъ, будучи въ Византіи не *латинствовалъ*, даже и тайно въ кругу друзей, это видно изъ того, что его послѣдующій поворотъ къ латинскому ученію, въ пунктѣ объ исхожденіи Св. Духа, вызвалъ удивленіе въ его византійскихъ друзьяхъ ¹⁾.

¹⁾ Curs. Compl. t. CLI, p. 1283—1284.

Указываютъ, какъ на доказательство участія папы въ Варлаамитскомъ движеніи, на тотъ фактъ, что папа поставилъ Варлаама въ епископа тотчасъ по возвращеніи его изъ Византіи. Но это можегъ свидѣтельствовать только о томъ, что папѣ было пріятно, что Варлаамъ своею ересью замутилъ востокъ, а вовсе не слѣдуетъ отсюда, что Варлаамъ дѣйствовалъ непременно по внушенію папы: онъ могъ произвести религіозное движеніе самостоятельно и совершенно случайно.

Можно пожалуй предложить такой вопросъ: зачѣмъ было Варлааму приходить въ Грецію, если онъ не былъ подосланъ папою?— Жить ему было хорошо и въ Италіи, гдѣ онъ пользовался славою ученѣйшаго мужа ¹⁾. Но:—въ странѣ сравнительно болѣе образованной, какою тогда была Италія, Варлаамъ не могъ рассчитывать на такое высокое положеніе, какъ въ странѣ, менѣе просвѣщенной, какою тогда была Византія.

Итакъ, нѣтъ серьезныхъ основаній слишкомъ строго судить Варлаама за его ересь и не совсѣмъ справедливо было бы приписывать *ему лично* особенно важное значеніе въ церковныхъ нестроеніяхъ константинопольскаго патріархата.

Григорій Недѣлковскій.

¹⁾ Ibid, 1243—1246.